

УДК 37.017.92

АНАЛИЗ СТИХОТВОРЕНИЯ А. А. ТАРКОВСКОГО «БЕЖЕНЕЦ»

Ющенко А.В.

Бакалавр института филологии

Петрозаводский государственный университет

г. Петрозаводск, Россия

Аннотация. В статье изучены художественные средства, с помощью которых автор раскрывает проблематику стихотворения; детально рассмотрен синтаксис, частота употребления определенных частей речи, а также исследованы звуковое пространство и композиция произведения. Выявлены закономерности (синтаксические, стилистические, фонетические и другие), благодаря которым поэт добивается эмоционального воздействия на читателя.

Ключевые слова. стихотворение, синтаксис, мелодика, ритмика, художественные средства, образ, поэтика, композиция, зима.

ANALYSIS OF A. A. TARKOVSKY'S POEM «THE REFUGEE»

Yushchenko A.V.

Bachelor of the Institute of Philology

Petrozavodsk State University

Petrozavodsk, Russia

Annotation. The article examines the artistic means by which the author reveals the problems of the poem; the syntax, frequency of use of certain parts of speech are considered in detail, as well as the sound space and composition of the work are investigated. The patterns (syntactic, stylistic, phonetic and others) are revealed, thanks to which the poet achieves an emotional impact on the reader.

Keywords. poem, syntax, melody, rhythm, artistic means, image, poetic, composition, winter.

Арсений Тарковский пишет о камской зиме [1] – это и есть тема стихотворения. Текстовое пространство, соответственно, ограничивается территорией села Кама. О времени можно судить по последней строфе – «ночью». Время года – зима.

Идею и проблему можно объединить: одиночество. Герой считает себя изгнанником, покинутым камской зимой. Тем не менее, он называет её «святой», «матерью». Герой почитает камскую зиму, для него она также родна, как мать, но сама зима отвергает его: «тебе-то все равно, а я умру».

Лирический герой – одна из форм проявления авторского сознания в лирическом произведении; образ поэта в лирике, выражающий его мысли и чувства, но не сводимый к его житейской личности [2]. Его в рамках исследования можно сопоставить с образом брошенного, ненужного сына, который любит мать, но эта любовь не является взаимной («тебе-то все равно», «скупишься... дала бы хлеба что ли», «я никому не нужен»).

Образ зимы идеально сопоставим с образом ледяного, не способного на сочувствие сердца «матери» («снег», «отморозу», «кованого стужей серебра», «жемчужин»). Всё, что окружает лирического героя, выглядит блестяще, красиво, но бесчеловечно и холодно. Глагол «горишь» в данном контексте используется как синоним к слову «блестишь» (образы жемчужин и серебра ассоциируется с бликами, ярким светом).

Стихотворение представляет собой совокупность двух катренов и двух терцетов. «Катрен - четверостишие с законченной мыслью и - чаще всего - с опоясывающей системой рифмовки»; «Терцет - трехстишие с видами рифмовки: ААА или ААБВВССДДГ и т.д.» [3]. Не совсем типичная структура, которая сразу обращает на себя внимание.

Первые два четверостишия структурно очень похожи: описание камской зимы, её безжалостности, а последняя строчка является как бы эмоциональным заключением – герой одинок, он страдает.

Следующие две строфы больше повествуют о состоянии персонажа, чем о самой зиме. Смена заданного ритма (катрен, после терцет) усиливает напряжение, словно сжимает пространность, описание зимних явлений, и выдаёт концентрированный за счет этого сжатия сгусток эмоций, переживаний. Местоимение «Я» повторяется в третьей строфе 4 раза (до этого оно звучит лишь один раз).

Зачин – «не пожалела на дорогу соли». С первых строк автор даёт читателю понять, насколько нерадушна камская зима. Далее он развивает эту тему с помощью художественных средств, о которых речь пойдет ниже, и в первых двух строфах как бы завершает описание зимы своими чувствами, впечатлениями.

Далее идёт ритмический слом. До – «Описание-впечатление»; после – «состояние» (и совсем немного описания, которое больше раскрывает состояние, чем служит для изображения пейзажа). Эти два терцета можно назвать кульминацией, не имеющей развязки. Напряжение не идёт на спад, оно лишь усиливается финальным риторическим вопросом: «Что делать мне... На черной Каме, ночью, без костра?». Мы не видим завершения картины, только обреченную растерянность героя. Причем последнее трехстишие полностью представляет собой вопрос и не делится на предложения. «Открытая концовка», занимающая целый смысловый абзац (последнюю строфу), с одной стороны, рисует нам четкую картину (ночь, зима, герой в тени, без костра), а с другой – навеивает совсем нечеткие эмоции (смятение, безнадежность).

Надо заметить, что в первой строфе есть глаголы в прошедшем времени («не пожалела»), во второй – в настоящем («скупишься», «ешь»), в третьей – в будущем («отморозжу»), а четвертая строфа полностью является вопросом. Линейное время и риторический вопрос создают вполне логичную последовательность, комфортную для восприятия, но в то же время оставляют читателя в растерянных чувствах. Использование данного приёма –

демонстрацией таланта поэта, осознанной или неосознанной способности тонко ощущать ход времени.

Текст является монологом-обращением к камской зиме. Присутствуют элементы и описания («кованого стужей серебра», «на черной Каме, ночью, без костра»), и повествования («Горишь», «Я ноги отморожу на ветру»), и рассуждения («Тебе-то все равно», «Что делать мне»).

Трудно назвать текст благозвучным, если рассматривать его в целом, так как имеется большое количество делений на смысловые единицы в строчках, выражающееся в обилии знаков препинания.

«Горишь, святая камская зима», «Бери да ешь. Тяжка моя сума», «А я живу один, как ветер в поле», «Скупишься, мать, дала бы хлеба, что ли».

При чтении все время «спотыкаешься» о точки, запятые. Останавливаешься, прежде чем перейти к следующему интонационному фрагменту. Это придаёт стихотворению схожесть с разговорной речью, неплавной, неровной. Тем не менее, использованный поэтом хорей (стопа, состоящая из двух слогов, при первом ударном слоге, как, напр., «буря» [4]) не прерывается. Получается, что ритм не меняется, а вот интонационная составляющая то прерывается в середине предложения, то льётся на протяжении целой строфы (последней).

Имена существительные преобладают над глагольными формами (24 существительных, 13 глагольных форм) и составляют описательную часть. Глаголы часто выступают как вспомогательное средство для описания («Горишь», «(ноги) отморожу», «(что) делать»). В строчке «Что делать мне среди твоих жемчужин» глагол «делать» не предполагает семантики движения, он лишь является частью риторического вопроса, больше описывающего картину вокруг, чем жаждущего ответа. «Горишь» (о зиме), как было сказано выше, сопоставим с «блестеть», что также является статичным образом. «Отморожу» (ноги) – даёт читателю представление о температуре и усиливает

общее впечатление от зимнего пейзажа. Таким образом, глаголы служат больше для описания зимы, чем для изображения действия.

Обращение «МАТЬ» можно было бы назвать ироничным, так как любящая мать не оставит свое чадо на произвол холодной зимы. Но это опровергает прилагательное «святая» в первой строфе и то восхищение, уважение, которое испытывает поэт при описании зимней картины, что доказывает использование художественных средств, о которых речь пойдет ниже.

Необходимо отметить наличие метафор, построенных по библейской схеме «конкретное – абстрактное»: ПОЛПУДА ГОРЯ, ЛОМОТЬ НЕДОЛИ, КОВАННОГО СТУЖЕЙ СЕРЕБРА. Для церковнославянского языка была характерна высокая частота употребления подобных метафор, необходимая для лучшего понимания библейских текстов, связывающая что-то точное, существующее, конкретное и религиозное, отвлечённое, не поддающееся органам чувств. Можно представить полпуда чего-либо, ломоть и серебро, но трудно изобразить полпуда горя или кованное стужей серебро.

«СОЛЬ» можно рассматривать с нескольких сторон: 1) белый цвет ассоциируется со снегом; 2) вкус соли ассоциируется со слезами, печалью. Обе трактовки гармонично вписываются в контекст.

Единицы, больше характерные для разговорной речи, а не для поэтического текста: ЧТО ЛИ, ТЕБЕ-ТО. В совокупности с расстановкой знаков препинания, описанной выше, это придаёт стихотворению сходство с беседой, излиянием чувств простого одинокого человека.

О синтаксисе. Обращают на себя внимание 2 последних терцета, составляющих 2 целых предложения. Третья строфа – описание героем своего состояния, тленного будущего, одиночества. Четвертая строфа – описание зимнего ночного пейзажа, в котором нет места теплу (БЕЗ КОСТРА).

Применяется схема «тезис-аргументация», уложенная в два последовательных по своему смыслу предложения.

Анжамбеман (перенос в стихе из-за несовпадения метрического членения с синтаксическим [5]) делит 2 и 3 строчку второй строфы:

«Полны ядреным снегом закрома,
Бери да ешь...»

Он передаёт отчаяние героя: есть соль, но нет хлеба; закрома полны снегом, в суме только горе и недоля. Голод и холод сливаются, становятся единым чувством. «ПОЛПУДА» и «ЛОМОТЬ» в суме предполагают что-то съедобное, но автор здесь применяет не только схему «конкретное – абстрактное», но и антитезу «съедобное – несъедобное». В этих метафорах содержится двойная смысловая нагрузка.

Абсолютно ясная антитеза «Тебе-то все равно, а я умру» является, как мне кажется, логичным завершением, понятным выводом, сделанным из предыдущих скрытых метафор, намёков.

Таким образом поэт делает текст понятным как и для опытных чтецов, так и для простого человека, не ознакомившегося с курсом поэтики.

Образ зимы составляют следующие лексемы: СОЛИ, СНЕГ, ОТМОРОЖУ, ЖЕМЧУЖИН, СТУЖЕЙ, СЕРЕБРА.

Интересна также не сразу заметная антитеза: зима горит, а герой остается без костра, что лишь доказывает жестокость и безжалостность камской зимы.

Образ ветра используется дважды: в сравнении «КАК ВЕТЕР В ПОЛЕ» и «НОГИ ОТМОРОЖУ НА ВЕТРУ». Герой считает себя беженцем, никому не нужным, и его ненужность и бегство сопоставимы с гуляющим по миру ветром, ненавистным тем паче в зимний холодный период. Само название «БЕЖЕНЕЦ» отсылает читателя к этому образу.

Присутствуют глаголы и повелительного наклонения (БЕРИ, ЕШЬ), и условного (ДАЛА БЫ), и изъявительного (НЕ ПОЖАЛЕЛА, НАСОЛИЛА). Данное сочетание формирует состояние растерянности, передает смятение чувств героя.

Незначительна разница между «темными» тембрами (О, У – 49), и «светлыми» (И, Э – 43). Это небольшое количественное отличие говорит о равнозначности темных чувств героя и описания светлой зимы. Создаётся контраст, при этом не предполагающий антитезу. Как «инь и янь», описания чувств и картин дополняют и поясняют друг друга.

Эмоциональное напряжение третьей и четвертой строфы передаётся повторением «Ж» (6 раз: отморожу, беженец, нужен, жемчужин, стужей). Звук этот дисгармоничен в поэтическом слоге, «останавливает» плавный поток.

Несмотря на переживания лирического героя, его смятение в связи с отрешенностью от мира камской зимы, стихотворение можно разложить на вполне четкие схемы. Такой организованный способ повествования, изложения чувств даёт читателю возможность глубже проникнуть в атмосферу, шире увидеть описываемую картину, так как схема «тезис – аргументация – вывод» привлекает логику. Логичное соединяется с эмоциональным, и это оказывает мощное воздействие на сознание читающего.

Библиографический список:

1. Тарковский А. А. Стихи разных лет. – М.: Современник, 1983. – 210 с. – С. 101.
 2. Поэтический словарь / А. П. Квятковский ; [науч. ред. и сост. И. Б. Роднянская] ; Российский гос. гуманитарный ун-т. - 3-е изд., испр. и доп. - Москва : Изд. центр РГГУ, 2013. – 583с.
 3. Литература и язык. Современная иллюстрированная энциклопедия. — М.: Росмэн. Под редакцией проф. Горкина А.П. 2006.
- Дневник науки | www.dnevniknauki.ru | СМИ Эл № ФС 77-68405 ISSN 2541-8327

4. Я. Зунделович. Литературная энциклопедия: Словарь литературных терминов: В 2-х т. / Под редакцией Н. Бродского, А. Лаврецкого, Э. Лунина, В. Львова-Рогачевского, М. Розанова, В. Чешихина-Ветринского. — М.; Л.: Изд-во Л. Д. Френкель, 1925.

5. Суета сует и обман, Словом, полный анжамбеман. С. Гандлевский - П Вайлю. // НЛО 1996 19 310.

Оригинальность 91%